

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое ЮНЯ 1882

2 юня умеръ на остр. Капрерѣ **ДЖУЗЕПЕ ГАРИБАЛДИ**, одинъ изъ величайшихъ героев повѣйшаго времени, симпатичнѣйшій представитель политической демократіи и одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ идеалистической практичности.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Смерть Дж. Гарibaldi. — 2) Чиновничьи продѣлки и статья г. Леруа-Болье. — 3) Отмѣна подушной подати. — 4) Замѣна гр. Игнатъева гр. Дм. Толстовымъ или послѣ ранъ скорпіоны. — 5) Отъ редакціи. — 6) Воинственные признаки въ Германіи. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Изъ міра петербургскаго благочестія и охранительности. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 8) Статистическое изслѣдованіе экономической жизни петербургскихъ рабочихъ. (Корресп. «Вольнаго Слова»). — 9) Полицейскій «надзоръ», Василія Сидорацкаго. — 10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. II. Радикалы и общинное самоуправленіе. — 11) Статья русскаго революціонера въ англійскомъ журналѣ. — 12) Хроника социально-экономической войны. Государственный социализмъ князя Бисмарка. — 13) Къ біографіи А. И. Желябова, М. Драгоманова.

ЖЕНЕВА, 15 юня 1882 г.

Наши центральныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы падѣлять страну благами хорошаго управленія, на сколько возможно, согласуя народную волю и народныя нужды съ намѣреніями верховной власти, т. е. подчиняя или совѣтуя подчинивъ послѣднія первымъ, не только ничего не дѣлаютъ на пользу пресловутаго «единенія царя съ народомъ», но какъ бы нарочно стараются вводить въ обманъ верховнаго главу государства на счетъ дѣйствительнаго смысла общественнаго движенія и не пропускать въ общество ни одной здравой идеи о доступныхъ, по условіямъ времени и мѣста, способахъ разрушенія жизни для государства вопросовъ. Еще въ послѣдніе годы прошлаго царствованія разныя вѣдомства пользовались нерасположеніемъ императора къ печатнымъ буквамъ и черезъ посредство главнаго управленія по дѣламъ печати подносили ему произвольные составленія, рукописи

ныя выдержки изъ газетъ и журналовъ. Не удивительно, что императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія даже о современныхъ ему слабыхъ проявленіяхъ общественнаго самосознанія въ печати 70-хъ годовъ. Всякій школьникъ, едва обученный грамотѣ, зналъ объ этомъ гораздо болѣе самодержавнаго правителя всей Россіи. Оттого и вышло, что государь повѣсилъ крѣзь своего фамильнаго ордена на шею излюбленному министру внутреннихъ дѣлъ и рескриптомъ, ему даннымъ, объявилъ по всему государству свой искренній восторгъ и признательность за успокоеніе общества, когда послѣднее задыхалось въ атмосферѣ безправія. Убаюканный ложными докладами, онъ предавался игръ въ солдатики и сталъ проводить медовые мѣсяцы втораго брака какъ разъ въ то время, когда изъ казенныхъ складовъ похищались динамитъ и фабриковались бомбы на личную его погильель.

Событіе 1-го марта 1881 г. въ состояніи, казалось бы, умудрить и перазумнаго. Но и послѣ его мы видимъ ту же систему петербургской канцеляріи околпачивать верховную власть и водить за носъ все еще чего то чающее отъ этой власти общество. Министръ Николай, во избѣжаніе нападокъ печати, поднявшей голосъ за «отцевъ и дѣтей» противъ возмутительной системы «народнаго омраченія», практиковавшейся его предшественникомъ 15 лѣтъ къ ряду, первый додумался не предавать гласности всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія, — и дѣйствительно преуспѣлъ въ своемъ намѣреніи, такъ какъ общество ровно ничего не знаетъ о дѣятельности этого министра. Неизвѣстно даже, за какія провинности смѣненъ онъ Деляновымъ. Дворцовая интрига подтасовки и передержки общественнаго мнѣнія — все, разумѣется, для вящаго околпаченія самодержца — дошла въ послѣднее время до небывалыхъ размѣровъ. Не только запрятались съ видами министровъ (о чемъ мы уже сообщали), не только спущена со своры цѣлая стая своихъ людей въ печати, покрывающая бѣшеннымъ лаемъ всякій сколько нибудь здравомысленный голосъ, но теперь стало почти невозможно и случаемъ забрести такому голосу въ среду читающей публики. Не то, что за-

грызутъ, а просто на просто исказить самымъ нахальнымъ образомъ, да такъ въ искаженномъ видѣ и представить и публикѣ, и по началству. Именно такую пагубную выходку продѣлали съ послѣднею статьею г. Ан. Леруа-Болье о нынѣшнемъ положеніи Россіи: «Россія при царѣ Александрѣ III. Необходимыя реформы», — напечатанной во 2-й майской книжкѣ Revue des deux Mondes за текущій годъ.

Какъ опытный наблюдатель и основательно знакомый съ условіями русской жизни и съ русскимъ языкомъ, извѣстный французскій публицистъ, специально посвятившій себя изученію «имперіи царей», естественно остановилъ свое вниманіе на хаосѣ, творящемся теперь въ этой имперіи. Собственно говоря, онъ не сказалъ ничего новаго, ничего такого, о чемъ бы, какъ справедливо замѣтила одна издающаяся въ Россіи газета, «не говорилось у насъ повсюду, конечно, въ четырехъ стѣнахъ». Но, во первыхъ, потому, что это говорится только въ четырехъ стѣнахъ, во вторыхъ, говорится всѣми и повсюду, въ третьихъ, говорится вовсе не то, что было бы желательно нашимъ нынѣшнимъ рѣшителямъ судебъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ подвѣдомственнаго ему управленія по дѣламъ печати, не потерпѣло, чтобы подобная ересь могла распространяться въ Россіи печатно, хотя бы и на французскомъ языкѣ. По распоряженію иностранной цензуры «статья Леруа-Болье исключена изъ предметовъ, предназначаемыхъ для просвѣщенія русскої публики», т. е. просто-на-просто вырѣзана изъ дошедшихъ въ Россію книжекъ довольно распространеннаго въ средѣ образованныхъ читателей журнала «Revue des Deux Mondes». На этомъ, однако, не остановились. Вырѣзываніе неприятныхъ правительству листковъ изъ иностранныхъ книжекъ входило въ заботы посольскаго приказа еще во времена Алексѣя Михайловича и тогда же составляло немаловажный предметъ для переговоровъ съ представителями иностранныхъ державъ. Но и тогда, какъ теперь, такую мѣрою только возбуждалась въ обществѣ большая охота къ чтенію опальныхъ книгъ. Въ наше же время вырѣзать статью изъ пѣсколькихъ экземпляровъ всеобщаго журнала и на этомъ остановиться — было бы слишкомъ наивно: такая статья весьма

конспирацій и декретовъ, сколько въ активномъ участіи ихъ въ повседневной умственной, экономической и политической жизни своего времени. Непониманіе этой истины погубило анархическую фракцію интернаціонала, состоявшую преимущественно изъ представителей романскихъ народовъ. Своимъ догматомъ невыпавательства въ политическую борьбу и презрительнымъ отношеніемъ ко всякаго рода дѣятельности на экономической почвѣ, за исключеніемъ чисто разрушительной и инсургентской, анархисты исключили себя изъ дѣйствительной жизни, изолировали себя отъ массы и ушли сочинять въ тиши своихъ тайныхъ комитетовъ планы неосуществимыхъ возстаній и социальныхъ ликвидаций. Наоборотъ, «мечтательные» пѣмцы сумѣли въ этомъ случаѣ остаться людьми отъ міра сего. Благодаря дѣятельному участію въ политической борьбѣ и своей образцовой организаціи взаимной экономической помощи, социалдемократы сдѣлались силой и остались ей до сихъ поръ, не смотря на репрессивныя мѣры, которыя не могли помѣшать проведенію ими въ парламентъ сравнительно большого числа депутатовъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность пѣмскихъ государственныхъ социалистовъ заслуживаетъ полного подражанія со стороны социалистовъ-федералистовъ. Нельзя сказать того-же самаго про ультра-государственный централизмъ, который насквозь пронизанъ социаль-демократіей. Эта черта составляетъ связующее звено ихъ съ самыми реакціонными политическими партиями и въ ней лежитъ объясненіе того, на первый взглядъ, парадоксальнаго явленія, что какой нибудь Бисмаркъ вдругъ входитъ въ сношенія и въ конспирацію не только съ Шэффасъ, но и съ Лассалемъ. Для всякаго, конечно, очевидно различіе между социализмомъ князя Бисмарка и, напр., социализмомъ Бебеля или Фольмара. Но попробуйте расположить въ одинъ рядъ по уменьшающимся степенямъ радикальности всѣ многочисленные программы революціоннаго и консервативнаго социализма, отъ социалдемократовъ и катедры-социалистовъ и вплоть до настора Штеккера и Бисмарка, и вы затруднитесь сказать, гдѣ кончается искренній социализмъ и гдѣ начинается политиканство и спекуляція — до такой степени всюду преобладаетъ одна и таже общая черта: культъ централизованной государственной власти.

Самю собою понятно, что социаль-демократы относятся отрицательно къ социалистическимъ затѣямъ князя Бисмарка. Повидимому, и масса рабочихъ отлично понимаетъ, что проектъ принудительнаго страхованія придуманъ правительствомъ, только для отвода глазъ. По крайней мѣрѣ, самъ князь Бисмаркъ жаловался, что во время послѣднихъ выборовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ рабочее населеніе, были всюду выбраны кандидаты, враждебные правительству. Эдакая неблагодарность!

КЪ БІОГРАФІИ А. И. ЖЕЛЯБОВА.

Мы только что получили небольшую, но очень интересную брошюрку: «Андрей Ивановичъ Желябовъ». (Складъ у Н. Georg. Corrairie, Genève. Ц. 1 фр. Сборъ въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли»). Какъ видно изъ объявленія на оберт-

кѣ, брошюра есть первый выпускъ изъ цѣлой серіи: за нею обѣщаются — біографіи Софін Перовской и Николая Кибальчича. Сюда слѣдуетъ прибавить и біографію Гриневецкаго, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ «На Родинѣ». Это стремленіе русскихъ революціонныхъ кружковъ къ изданію біографій своихъ извѣстныхъ дѣятелей кажется намъ явленіемъ характеристическимъ. Независимо отъ чисто товарищескаго желанія почтить память близкихъ лицъ, мы видимъ здѣсь стремленіе отдать отчетъ обществу въ своей работѣ и жизни, а также объяснить свои собственные идеи и цѣли посредствомъ взгляда на недавнее прошлое и тѣмъ и другимъ выйти изъ тѣсныхъ и партіонныхъ рамокъ на широкое общественное поле. Само собою разумѣется, что послѣднее возможно только при полной искренности и фактичности негорько-біографическаго изложенія.

Въ этомъ отношеніи, надо сказать, что брошюра о Желябовѣ, равно какъ и біографическая статейка о Гриневецкомъ, производятъ самое пріятное впечатленіе. Не велико количество разсказанныхъ въ нихъ фактовъ, но вы чувствуете вполне ихъ жизненную правдивость; живыя детали не только не пожертвованы ради кружковыхъ и партіонныхъ формулъ и соображеній, но часто прямо противорѣчатъ многому изъ того, что еще недавно выдавалось за догматы партіи, къ которой принадлежали герои названныхъ біографій, и что, будучи указываемо лицами, не принадлежавшими къ кружкамъ, принималось съ явнымъ раздраженіемъ въ этихъ кружкахъ*). Когда съ такою же искренностью (но съ большею полнотою) будутъ изданы біографіи десятка—другаго лицъ изъ числа русскихъ революціонеровъ, тогда, конечно, можно будетъ сдѣлать очень интересные обобщенія. Пока двѣ изданныя біографіи интересны въ особенности потому, что показываютъ фатальность перехода русскихъ социалистовъ-пропагандистовъ въ политики-террористы, а біографія Желябова даетъ намеки и на ходъ сложения въ средѣ этихъ послѣднихъ якобинско-централистическаго на правленія, которое, по нашему глубокому убѣжденію, кончитъ тѣмъ, что принесетъ страшный вредъ прежде всего самимъ русскимъ революціонерамъ.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ одинъ документъ, который можетъ способствовать уясненію какъ личности Желябова, такъ и хода развитія его близкихъ, а также ихъ политическихъ идей и желаній, — а потому теперь, послѣ напечатанія брошюры о немъ, мы считаемъ возможнымъ напечатать его почти цѣликомъ, съ исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ находятся слѣшкомъ личные указанія. Это письмо къ намъ Желябова, полученное нами лѣтомъ 1880 г. и изъ котораго мы уже привели разъ небольшую выдержку въ одной изъ главъ «Исторіи. Польши и Велико-русской Демократіи». Вотъ это письмо:

*) Таковы, напр., въ брошюрѣ о Желябовѣ страницы о «конституціонализмѣ» Ж—ва (10, 26), объ искренности предательства Гольденберга (21—22), о разногласіяхъ между «землепольцами», о противорѣчіяхъ въ ихъ программахъ и т. д.

«Понедѣльникъ, 12 мая (1880 г.)

Многоуважаемый

Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ X и У Сидитъ кучка старыхъ, престарѣлыхъ пикистовъ за самозваннымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой.... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренныя опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулась украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства, замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу родной Украины. Въ эту зиму вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣн!... Взять хоть бы этотъ уголокъ — Я видѣлъ разцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сменялись тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федерация, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія; медлили покинуть насиженные гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ? нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпощадныхъ? То остатки пародниковъ революціонеровъ начали наступленіе, но ужъ по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ — на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосыгаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считают дни его сочтенными; правительственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствию въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ — таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутр. политикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованья; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный

моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два три толчка, при общей поддержке, и правительство рухнетъ. Огъ общества, всегда дриблагое, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхождение въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практической исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организационными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходить въ результатѣ, что комментаторамъ ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея чрезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народн. Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ... за Учред. Собр. Во первыхъ, не хотѣтъ понять, что Учр. Собр. въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такіе, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феи, Парнеллы? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учр. Собр. Не велика заслуга предъ обществомъ аскета-хранителя общезвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна

вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подлежать на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Н. В.» по царю, зашифрованному ниже ключомъ, Вамъ извѣстнымъ*)...

Письма этого нельзя оставить безъ какихъ-либо объясненій. Прежде всего мы должны замѣтить, что Желябовъ не совсемъ точно передаетъ сущность отношеній своего кружка съ тою изъ украинскихъ громадъ, которую онъ знаетъ. «Единство», о которомъ онъ говоритъ, никогда не имѣлось въ виду этою громадою, а именно имѣлась въ виду только «Федерация». Единство невозможно ни для какого украинскаго кружка съ никакимъ «русскимъ кружкомъ», ни партіей до тѣхъ поръ, пока русскіе кружки не откажутся отъ теорій единства Россіи и не признаютъ украинскій народъ націей, совершенно на равной ногѣ съ великорусскою, польскою и т. п. со всеми практическими послѣдствіями такого признанія. Кромѣ того, не только единство, но даже тѣсный союзъ между русскими и украинскими кружками затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе кружки могутъ вполне удовольствоваться дѣятельностью въ предѣлахъ русскаго государства, Россіи, тогда какъ украинцы должны дѣйствовать и въ Австріи, — для чего необходимы, конечно, и силы, и средства, затрата которыхъ «русскимъ» всегда кажется лишнею. По этимъ и по другимъ еще причинамъ, вытекающимъ изъ различія положенія населенія великорусскаго и украинскаго, между «русскими» и украинскими кружками возможна именно только федерация, — т. е. условная взаимная помощь, преимущественно для самозащиты отъ общаго врага и для борьбы съ нимъ, а также для достиженія ближайшей общей цѣли. Такимъ врагомъ является русское самодержавіе (одинъ изъ враговъ украинскаго населенія), — а такою цѣлью (одна изъ украинскихъ цѣлей) — политическая свобода въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, въ такомъ смыслѣ заявляла (въ 1878—79 г.) готовность къ федерации съ русскими революціонерами и та громада, о которой упоминаетъ Желябовъ. Но практическое осуществленіе такой федерации замедлялось, какъ желаніемъ со стороны русскихъ «единства», а не федерации только, такъ и тѣмъ, что въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, разные русскіе кружки говорили не отъ себя только, а непремѣнно отъ имени всей русской соц.-рев. партіи, при всѣхъ несогласіяхъ и даже противурѣчійхъ стремленій и идей каждой изъ нихъ (которыя теперь выступаютъ наружу и въ такихъ, напр., публикаціяхъ, какъ біографія Желябова), — такъ что нерусскимъ, украинцамъ, трудно было опредѣлить, съ кѣмъ-же и съ чѣмъ собст-

венно они могутъ федерироваться. Въ данномъ же случаѣ между украинскаго громадою, о которой идетъ рѣчь, и многими русскими кружками, которые тогда заявляли себя въ революціонной дѣятельности и печати, существовали и теоретическія разногласія. Такъ, напр., украинцы не могли присоединиться къ такому «народничеству», такому «агитированію на почвѣ народныхъ требованій», какое выразилось въ чигиринскомъ самозванствѣ (построенномъ, между прочимъ, на основѣ болѣе великорусской, нежели украинской), которое тогда было восхваляемо въ южныхъ русскихъ кружкахъ (см. между прочимъ въ брошюрѣ о Желябовѣ, стр. 15) и въ «Землѣ Волѣ» *). Не соглашалась упомянутая украинская громада также признать тайныя убійства шпіоновъ, предателей, чиновниковъ и т. п. дѣломъ принципиальнымъ и партійнымъ, а не случайнымъ, которое слѣдуетъ брать на чисто личную советъ, — и признавала изъ дѣйствій оружіемъ принципіальными дѣлами только открытую самооборону и такое же нападеніе на политическую власть. Вопросъ о царубійствѣ тогда не былъ еще поднимаемъ въ определенной формѣ, но за сказанными сейчасъ ограниченіями, въ украинскіхъ кружкахъ могло бы встрѣтиться себѣ дѣятельное и систематическое сочувствіе только такое покушеніе на царя, какъ нападеніе Березовскаго, который (прямо) поднималъ руку не только на тирана вообще, но и на тирана своей родины, — такъ какъ только такое тиранубійство, мотивированное извѣстными прокламаціями къ украинскому населенію и рѣчами на судѣ, дѣйствительно могло бы произвести глубокое впечатлѣніе на это населеніе **).

Вотъ главные причины, которыя заставляли украинцевъ «медлить покинуть насъ-женныя гнѣзда» и пристать въ то «единство», котораго желалъ Желябовъ. А что они далеко «не соблазнились легальнымъ положеніемъ», это подтверждается и словами письма: «и погибли славные люди и начинанья» (вѣрнѣе — продолженія), погибли, впрочемъ, надѣемся, далеко не окончательно.

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ письма Ж.—ва. Намъ нѣсколько советно печатать строки, въ которыхъ попадаются не въ мѣру любезныя относителю насъ слова, по читатель видитъ, что ихъ трудно выкинуть изъ фразъ, выражающихъ мысли и желанія

*) Въ письмѣ Ж. намѣчено, какъ въ русскихъ кружкахъ «научный социализмъ» смѣнился «народничествомъ». Украинскіе социалисты, напротивъ, представляютъ выходъ изъ украинскаго народничества къ европейско-научному, политическому и социальному направленію. Направленіе это, конечно, обязываетъ сообразоваться съ особенностями страны и населенія, но не подчиняться имъ до нарушенія научныхъ принциповъ.

**) Читая біографію Ж.—ва, видишь, какъ и на него имѣли влияние и украинская кровь съ материнской стороны (отъ казаки Полтавской губерніи. Кстати скажемъ издателямъ біографіи, что въ Херсонской губ. малор. казакъ нѣтъ, а есть они только въ Черн. и Полт.) и впечатлѣнія украинской поэзіи и исторіи. Но между товарищами Ж.—ва были и болѣе чистые украинцы, — и ни одинъ изъ нихъ ни въ печати, ни въ публичной рѣчи не вспомнилъ своей родины и своего народа! Такого давленія въ данномъ случаѣ не одной официальной школы, но и унитарныхъ доктринъ русскихъ «официальныхъ социалистовъ», употребляя выраженіе Желябова!

*) Ключъ этотъ оказался намъ неизвѣстнымъ. Вѣроятно, онъ былъ переданъ намъ, при другомъ случаѣ, да не дошелъ. Подобное случалось не разъ.

самого автора письма и его друзей. Для полной характеристики тех и других мы должны прибавить некоторые объяснения особенно к тому, что не совсем ясно рассказано в письме или на что сдѣлать только намек, который должен был развить податель письма.

Особенно требуетъ объяснений второе предложенье, которое дѣлалъ намъ Ж—въ по порученію товарищей. Это предложенье и есть центральный пунктъ всей послѣдней половины письма Ж—ва. Ж—въ очень хорошо понималъ необходимость литературной пропаганды идей его группы (какъ ни странно, а приходится отмѣчать это пониманіе, какъ похвальную черту въ русскомъ дѣятелѣ) въ Россіи и даже передъ западной публичкой (послѣднее тоже надо поставить въ особую похвалу Желязову, какъ русскому дѣятелю). Но съ этой стороны группа «русскихъ социальныхъ революціонеровъ», поставившая себя цѣлью добиться въ Россіи политической свободы, или даже «конституціи», — была въ 1879—1880 г. въ очень странномъ положеніи, особенно передъ западной публичкой. Она здѣсь не имѣла вовсе своихъ примыхъ представителей. Большинство русской эмиграціи этого времени состояло: а) изъ старыхъ «соціал-демократовъ» (цѣта «Впередъ»), которые слишкомъ долго боролись, вѣдѣ за своими нѣмецкими образцами, съ либералами, «изъ за классовыхъ интересовъ»*), а въ то же время слишкомъ горячо полемизировали противъ всякаго «бунтарства», чтобъ стать на сторону «конституціоналистовъ» людей въ родѣ Желязова и въ то же время ихъ «терроризма»; б) изъ старыхъ «анархистовъ», которые нѣкогда въ своихъ органахъ сочувственно относились къ «бунтарству», «пропагандѣ фактами» и т. п., — но съ полнымъ отвращеніемъ смотрѣли на всякую «политику»; в) изъ нихъ, которые писали и говорили публично по-французски, слишкомъ усердно доказывали, что всякое государство, даже и швейцарская федеративная республика, такая же тиранія, какъ и русская деспотія, чтобъ стать, по крайней мѣрѣ сразу, искренними защитниками народно-вольческихъ требованій «учредительнаго собранія». (Одинъ изъ видныхъ людей этой категоріи имѣлъ откровенность прямо сказать одному изъ наиболѣе зараженныхъ «политическими новшествами» землевольцевъ, приглашавшему кой кого изъ эмигрантовъ писать въ «Землю и Волю» послѣ лѣта 1879 г., что писать онъ не будетъ, такъ какъ онъ провидитъ въ новѣйшихъ «политикахъ» — «будущихъ нашихъ враговъ»); г) изъ «чернопередѣльцевъ», только что явившихся послѣ напечатанія 1 № ихъ журнала съ полемическими замѣчаніями противъ «политиковъ», замѣчаніями, которые станутъ теперь болѣе понятными послѣ брошюры о Ж—въ **).

*) Сравни эту борьбу съ идеями Ж—ва, изображенными на стр. 10 его биографіи.

**) Была еще одна группа въ эмиграціи, т. наз. набатчиковъ, въ числѣ которой находилась и довольно замѣтная литературная сила, которая могла бы очень пригодиться въ революціонной публицистикѣ именно новѣйшаго народно-вольческаго направленія. Группа эта не переставала говорить еще съ 1874

Правда, что въ парадныхъ случаяхъ въ эти категоріи говорили о «мужественныхъ борцахъ противъ русскаго царизма», какъ о своихъ братьяхъ, а въ такіе минуты, какъ, напр., время ареста Гартмана въ Парижѣ, и классовые противники всякой буржуазіи, и анархисты, и народники бросались и къ «буржуа» Клемансо, и даже къ «диктатору» Гамбеттѣ и М-с Adam, напоминали французамъ 1789 г., а швейцарцамъ Теля (мифическаго) и республику, — но отъ этого туманъ представленій о томъ, чего же собственно добиваются русские революціонеры, едва ли даже не усиливался, — и Желязовъ совершенно былъ правъ, когда писалъ намъ, что «комментаторами стремленій его партіи за границей являются лица, отрицающія ихъ вполне или въ значительной степени».

Между тѣмъ группа русскихъ «террористовъ» все болѣе и болѣе заставляла говорить о себѣ и З. Европу. Въ печати этой послѣдней тоже не было органовъ, которые бы могли стать «комментаторами» дѣйствій и стремленій группы. «Народовольцы» продолжали называть себя «соціально-революціонной партіей», а потому все несоціалистическая печать въ Европѣ смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ и даже враговъ. Ими же «инглизистовъ», которое давали русскимъ революціонерамъ и употребленіе котораго поддерживали даже некоторые изъ русской эмиграціи, еще болѣе отталкивало отъ нихъ европейское общественное мнѣніе, даже въ весьма радикальныхъ кругахъ. Изъ органовъ социалистическихъ, изданій соціал-демократовъ, преимущественно нѣмецкихъ, съ которыми были связи и у русскихъ соціал-демократовъ, открещивались всѣми силами отъ русскаго терроризма и инглизизма и по временамъ даже ругали ихъ довольно неприлично. Органы же анархическіе, преимущественно французскіе, (а также blankетскіе, съ которыми, собственно, ничего общаго не должно было имѣти анархисты) воехвалили русскихъ террористовъ, называли ихъ своими братьями и ставили ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, и тѣмъ, конечно, возбуждали противъ этихъ «русскихъ братьевъ» всю свою сколько нибудь умѣренную публичку, которая опасалась, что динамитный способъ политической борьбы появится и въ европейскихъ конституціонныхъ странахъ и республикахъ. Сгорая чинные западные панегирисы русскихъ «инглизистовъ» (друзья ихъ такъ и называли!), желая представить сво-

го о необходимости активной политической борьбы противъ русскаго правительства, по примѣндала въ свои писанія крайне несимпатическіе приемы, такъ, что вызвала противъ себя почти общее нерасположеніе въ средѣ русскихъ революціонеровъ. Оно выразилось, между прочимъ, заявленіемъ, напечатаннымъ въ 8 — 9 № «Общихъ», о томъ, что «у русскихъ соц.-революціонеровъ ни съ какими «Набата», ни съ теоріями, которыми они проводятъ, ничего общаго быть не можетъ». (Подписано: Ив. Бохановскій, Л. Дейчъ, Вѣра Засулицъ, Сергій Кравчинскій, Яковъ Стефановичъ). Интересно между прочимъ въ этомъ заявленіи слова, — что русскіе революціонеры «кружки не подчинены никакой центральной власти; они организованы на началахъ федеративныхъ и признаютъ основнымъ принципомъ своихъ убѣжденій, что освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». (Курс. подл.)

нихъ братьевъ людьми рѣшительными и повсемѣстными, повторяли о нихъ въ выдумки и даже клеветы русскіе и западные консерваторы и даже просто досужіе фантазеры газетчиковъ (преимущественно австрійскихъ), приписывая имъ разныя дѣла до поджоговъ городовъ и крупныхъ кражъ и вымогательствъ денегъ. Тѣ русскіе эмигранты, которые принимали участіе въ западной социалистической печати и собраніяхъ (преимущественно анархическаго направленія) поставили себя въ еще болѣе ложное положеніе, чѣмъ масса эмигрантовъ: по чувству товарищества и по другимъ соображеніямъ, они заявляли свою солидарность съ братьями, борющимися въ Россіи, но въ то же время скрывали отъ своихъ западно-европейскихъ единомышленниковъ и тѣхъ противныя западно-европейскіе теоріи и практикѣ приемы, къ какимъ прибѣгали русскіе народники (въ родѣ самозванщины), и тѣ раздѣленія, какія обнаружались въ русскихъ социалистическихъ кругахъ, когда жизнь поставила передъ ними политическій вопросъ, уже порѣшенный въ Европѣ еще до отдѣленія социалистической партіи отъ партій либеральныхъ, — и, наконецъ, то, что ближайшія политическія требованія русскихъ террористовъ въ сущности сводятся къ программамъ европейскихъ буржуазныхъ либераловъ или же якобинцевъ-государственниковъ, а дальнѣйшія — къ программамъ социалистовъ-государственниковъ, т. е. во всѣхъ трехъ случаяхъ къ программамъ партій, съ которыми социалисты-анархисты такъ ожесточенно борются на западноевропейской почвѣ. *)

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

*) Когда, по убѣненію Александра II, скрыть многое стало невозможнымъ, такъ какъ во всѣхъ газетахъ напечатаны были прокламаціи Исполнительнаго Комитета и письмо его къ Александру III, тогда одна французско-швейцарская анархическая газета (которая такъ скрыла отъ своей публички слишкомъ уже московско-народническія фразы прокламаціи И. К. къ крестьянамъ о «царѣ—добромъ пастырѣ») перепечатала и самое письмо къ А. III, но написала довольно неловко, придавая этому письму значеніе только ловкаго приема. Конечно, говорила эта газета, — если бы И. К. писалъ для нашихъ секцій интернаціонала, то онъ бы не писалъ того, что онъ написалъ А. III. Тамъ пишутъ для нужды борьбы, а не пропаганды. Для пропаганды они даютъ свою кровь: надо жъ имъ дать волю употреблѣть, какъ они хотятъ, чернила. Документъ, который мы опубликовали въ послѣднемъ №, есть образецъ такта и политики, пробѣгающей этой молодой партіей дѣйствія... За чѣмъ требовать много, когда знаешь навѣрно, что царь не дастъ ничего? Если бы было хоть малѣйшее сомнѣніе, что царь дастъ что нибудь, то это было бы лучшимъ резономъ не просить у него ничего... («Le Révolté», 1881, № 5). Это писалось какъ разъ въ то время, когда реакціонеры въ Россіи и Европѣ говорили, что Иск. К. надѣваетъ овечью шкуру, чтобъ морочить людей, а что послушайся его царь и созови земскій соборъ съ разными либеральностями, такъ велики И. К. не только «напѣть не перестанутъ», а еще лучше начнутъ. — Какъ характерное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ новѣйшихъ статьяхъ русскихъ эмигрантовъ для европейской публички, напр., въ статьѣ кн. Петра Крапоткина въ «Fortnightly Review», письму Иск. К. къ Александру III-му придается значеніе вполне серьезнаго, искренняго документа, а не только ловкаго пролитія чернилъ.